Я. Новомирский.

Только душа.

Книга стихов

Москва

Я. Новомирский.

Только душа.

Книга стихов

Москва

Напечатано 500 экземпляров.

Экземпляр ...... 11 ......

Моей жене Марии,
Когда вернется вновь,
Чтоб видеть Солнце.

ТОЛЬКО ДУША

Гениальному артисту,
Благородному поэту и рыцарю,
глубоко-глубокоуважаемому
Александру Ивановичу Южину
от преданного Автора

Москва
29 апреля
1920 г.

I.

КОЛОКОЛ.

КОЛОКОЛ.

Стихотворение в прозе.

1.

Серые сумерки заглянули в окно мне украдкой. Сбежали на пол, на унылые стены, сизым туманом наполнили всю каморку мою молчаливую.

Холодно, сыро. Что-то скользит по душе боязливо. Какой-то шопот невнятный. И сердце стучит, стучит, как молот....

Мне ли кричит далекий колокол? Меня ли зовет он из мрака:

«Вста-а-нь. Вста-а-нь».

2.

У решетки стою я, понурив свинцовую голову и гляжу на широкую степь, уснувшую тихо в об'ятиях ночи.

Кто-то мне машет руками участливо, будто зовет дружелюбно... Нет, это деревья махают уныло длинными крыльями, споря с назойливым ветром...

Чей-то горький надорванный плач сиротливо бредет по полям одинокий, жалобно ищущий теплого крова в пустынной степи и холодном тумане.....

Ах, это колокол дальний так плачет и стонет:

«Вста-а-нь... Встань...»

3.

...Тревога растет, притаившись под сердцем в испуге. Сквозь сумрак гляжу в беспредельную степь. Ни живой души. Только серый безликий туман кладет косматую голову на мертво-холодную грудь Земли.

Мне слышатся стоны, глухие и тихие стоны. Ползут... ползут по степи и тянутся жалобно к небу. Ах! Тяжело ей видеть, как прячется день, как идет величаво, кутаясь в мантию, черная, хищная ночь, и бегут ей навстречу, как верные гномы, тайные шорохи, вздохи, ласкают, целуют широкую мантию...

«Вста-а-нь... Встань».

4.

Каждый день восходит Солнце, широко улыбаясь седым вершинам исполинских гор. Будит робкие песни птиц, будит робкие думы людей.

Каждую ночь проходит луна, торопливо скользя по эфирной дорожке, пряча стыдливо девичью грудь и томит, и манит, обещая...

Но всегда и везде над моей головою серое, сонное небо смотрит в глаза мои долгим, загадочным взглядом: «Зачем? для чего?» А под ногами, свернувшись гиганским ежом, в глубине затаив свою злобу и горе, спит больная Земля.

И всегда и везде кто-то в душе моей плачет, зовет меня в даль, будто колокол дальний:

«Вста-а-нь... Встань».

5.

Разве не я этот маленький мальчик, с белокурой головкой? Потом эта гордая юность пришла с лихорадочным взором. И все умчало крылатое Время: и радость, и смех мой, и силу.

Вот тут, в этом самом сердце еще недавно было так хорошо и так уютно: шаловливые белые грезы теснились толпою, как детки перед рождественской елкой, тихо и ровно, как Божья лампадка, теплилась надежда, все согревая своей золотистой улыбкой, и все умчало крылатое Время: и радость, и смех мой, и силу.

Я боюсь оглянуться назад: как огромная, хищная птица с черными крыльями, глядит из угла на меня мое прошлое...

«Вста-а-нь... Встань».

6.

Любовь и дружба... Семья... Тоска. Тоска.

Какая женщина капризно не изменит? И разве лучший друг нас не обманет в тяжкий час? А милые детки оставят гнездо свое ночи и совам, лишь только оправятся крылья. Любовь! Любовь!

На перепутье всех путей стоит железный Рок и в руках его волшебное зеркало Фата-Моргана. Бредут со всех концов караванами усталые путники—дети Земли. И видят впереди хрустальные озера, поля зеленые, леса чудесных пальм. И кто-то шепчет нам вкрадчиво на ухо, кто-то к сердцу прильнул и нам шепчет...

И бежим мы в манящую даль с пылающим взором, задыхаясь, толкая усталых... И падаем, падаем, падаем...

А Он, сложив беззаботно железные руки, смеется, смеется над нами, склонившись над темною бездной:

«Встань. Вста-а-нь...»

7.

Вот и ночь.

...Легкий шорох в дверях. Тихий стук и—молчание.

Мне жутко и холодно. Отчего мне так холодно?

Ах! Войди, мой Тихий Час. Я готов.

Чаша выпита смело, уплачены честно долги. Разве назад оглянуться, два—три слова шепнуть этой милой капризнице Жизни?... Нет. Не стоит...

Что-же мне грустно, так грустно? Впрочем, войди. Я готов.

Тишина. Мне слышится шорох. Тихий стук и—молчание.

Войди, мой Тихий Час. Я готов.

Одесский Тюремный Замок.

* * *

Я знаю: светлого пути
    Мне не найти
Как не обнять рукой звезду:
    А я иду.

Я знаю: тщетно на земле
    Молить во мгле,
Как тронуть воплями звезду:
    Молюсь и жду.

Чу! Взмах крыла и чей-то вздох:
    Не ты ли, Бог?
Гляжу на светлую звезду,
    И чуда жду.

Манзурка.

ОРЕЛ.

Мне тесно в долине.
На голой вершине,
Над морем полей

Кую непреклонно,
Не зная закона,
Сталь воли моей.

Откуда и кто я?
Как мог из покоя,
Из смерти восстать?

Кто с бурей играет
И в солнце сгорает,
Тот смеет не знать.

Над безднoю моря,
Над безднoю горя,
Без страха лечу.

Миры раздвигает,
Миры зажигает
Мой крик: «Я хочу».

ЭЛЬДОРАДО.

Из Эдгара По.

В броне золотой,
Боец молодой,
Чье сердце песне радо,
Брел много лет,
Об‘ехал свет,
Ища путь в Эльдорадо.

И постарел,
Кто бы так смел,
Но песне сердце радо.
Бредя, как тень,
И ночь и день,
Он ищет Эльдорадо.

Но наконец,
Устал боец.
Уж сердце петь не радо.
Тень видит он,
И шлет ей стон:
«О, тень, где Эльдорадо?»

— «За неба склон,
Где дольний сон,
Где сердце тени радо,
Скачи весь век,
О, Человек,
Коль ищешь Эльдорадо».

ЧАЙКА.

Баллада.

Мчится викинг седой в острогрудом челне
На широкой груди океана.
Волны глухо шумят в роковой глубине,
Злая ночь стережет неустанно.

Он—один. Далеко разметала гроза
Храбрецов молодецкие кости.
Он—один. За слезою сползает слеза,—
У героя незванные гостьи.

Взбороздили морщины, как волны, чело,
И, как сычи, нахмурились брови,
Выскользает из рук золотое весло,
И мороз бродит в старческой крови.

«Эй, прощай (он поет), седогривый мой вал,
Уноси мой привет на отчизну.
На курганах бойцов я не раз пировал,—
Мне акулы отпразднуют тризну».

Вдруг как холеный конь (конь отвыкший
от шпор),
Сердце викинга затрепетало:
Над седой головой, испытавшей топор,
Где-то чайка во тьме зарыдала.

«Эх, спасибо (вздохнул он), с крутого чела
Шлем тяжелый неспешно снимая,
И завыл океан от удара весла,
Замер песне свободной внимая:

«Черно-кудрая буря, сразимся. Пора.
Мне не страшен твой конь пенногнедый,
Мы сыграем с тобой. Пусть мережит игра
Злой могилой,—не честной победой».

Много дней и ночей, над героем паря,
Чайка мантию бури терзала.
Улыбнулась бойцам золотая заря:
Лентой синей земля замерцала.

Лижет челн побежденная злая волна,
К челну ластится буря несмело.
На утесе стоит молодая жена,
Ждет и машет рукой ему белой.

Ждут и мужи войны в лихорадочном сне.
Викинг челн привязал безпримерный.
Не взглянув на бойцов, светлокудрой жене
Молвит он: «Ты осталась ли верной?»

Три дня пир небывалый высится горой.
Непорочному витязю чести
Скальды славу поют. Что ж ты бледен, герой?
Что не пьешь из кубка сладкой лести?

Вдруг раскрылось окно ветра синей рукой,
Чайка с плачем впорхнула в светлицу.
Он целует ее. Слезы идут рекой,
А дружина хмельная дивится.

«Что молчишь (молвил он), бурей битый
шелом?

Молви что белой гостье бездомной:
Тесно, мол, старику за широким столом,
Скучны ласки красавицы томной.

Не за черным бугром волосатой земли,
Не за сытой и радостной долей
Из Вальгалы, бойцы, в этот мир мы сошли,—
Но за Чайкой бездомной—за Волей».

И он встал, оттолкнул одинокий свой челн,
Чайка белая гордо кричала.
Ветер честь ему пел с хороводами волн,
Но толпа изумленно молчала.

НЕДОБРАЯ ВЕСТЬ.

Едет князь на железном на ратном коне,
И за князем лихим едет рать в тишине.
Вдруг из города бледный гонец:
«Мы бежим. Нашей славе конец».
Князь не глянул и не возразил.
Но коню больно шпоры вонзил.

Едет князь молодой на усталом коне,
Едет старая рать в гробовой тишине.
Вдруг из города новый посол:
«Враг жену молодую увел».
Здесь он шпоры сильнее вонзил,
Побледнел, но гонца не спросил.

И доехал наш князь на кровавом коне.
Молча рать подошла ко зубчатой стене,
Здесь на землю с коня кто-то слез:
«Среброкованный меч твой исчез».
Брякнул щит на железном коне,—
Князь и конь пали в злой тишине.

Бутырки.

II.

ЛЮБОВЬ.

ЛЕГЕНДА О ЖЕНЩИНЕ.

1.

Как только Бог создал вселенную,—Он раскаялся. Он увидел, как беспомощен и как жалок мир своим безцелием.

Для чего горит благородное солнце? Кому расточает оно свои пламенные силы. Беспредельного мрака оно не осветит, мертвящего холода оно не согреет. Все равно к нему жмется коварно пустыня.

Тяжело, неуклюже шатаясь, как пьяные, бредут слепые планеты. С безумными хвостами мчатся кометы, вечно ошалелые. Огненные вихри, смерчи, ураганы... И все это горит, шумит и мчится. Зачем? Куда?

Богу стало жалко своего каприза.

2.

Вдруг Он увидел как-то Человека.

С открытым об'ятием и горящими глазами, но бледный, как тень, стоял на горе Человек и глядел в заходящее солнце. Медленно тонуло

солнце в далеком море безропотно, без стона, как жертва...

— Оно не вернется, вскричал Человек: никогда не вернется... Солнце.

А издали призрак какой-то, загадочно кутаясь в черное, медленно полз по долине.

В смертельном испуге Человек испустил надрывающий вопль и упал на холодную землю.

Он рвал свои волосы, терзал свою грудь и так горько рыдал, что вздрогнули горы холодные, и равнодушная ночь затаила дыхание.

Богу стало жалко своего каприза.

3.

Уже он отвернулся и поднял руку, чтобы махнуть на вселенную, и мир исчез бы, как пылинка от дуновения бури.

Но вдруг задумался.

— Нет, я не разрушу своего создания. Я его исправлю. Я дам вселенной душу.

Бог создал женщину. Он мечем рассек свое сердце, чтобы создать ее.

Из божественной плоти и скорби Земли Он изваял творение небесно-земное, нездешне-земное. А в душу и голос, в движения тела, вложил Он ей струны серебристые бархатной арфы.

И когда увидел Бог наготу ее, когда услышал Бог голос Женщины, Он улыбнулся: так была она чудесна и невинна.

И она сошла на Землю.

Стала у берега моря, играя с волнами, что с детским шумом выбегали на берег и с мрачным ропотом сползали на море. Собирала камешки. Потом пошла в глубокий лес. И стала в нем бродить, ничего не зная.

А движения ног ее, упругих и стройных, как ноги лани, и смех ее чарующий, как плеск ручья, и наивная грудь, чуть-чуть дрожащая, пели в тающий вечер томящую песнь: «Женщина, женщина»...

И ожил лес. Легкий трепет пробежал по всем листочкам горделивых дубов. Зашептались шаловливые кусты с таинственной дрожью. Беспокойно запели, волнуясь и захлебываясь птицы. Могучие звери откликнулись радостно-бурным задором.

Она же шла и не слышала, как серебряные струны пели бархатной ночи: «Женщина, женщина»...

4.

Не знал и Человек.

На земле лежал он в ужасе, закрыв глаза дрожащими руками, чтоб не глядеть на медленно ползущий в гору мрак. И не знал он, что в синем небе взошла луна, такая тихая и такая ласковая.

Внезапно вскочил он на ноги. Весь страх пропал. Глаза сверкнули. Он услышал песню из долины. Он ничего не знал, но трепетали руки и трепетало сердце.

Вдруг она сама появилась на вершине и увидела Человека.

Минуту постояла, потом подошла к нему, положила обе маленькие ручки на его широкие плечи и сказала тихо:

— Ты—Человек. Я буду твоей женою.

Он ничего не ответил. Но мягкая, как сумерки, грусть окутала взор его бархатной дымкой, сладкая боль ущемила его, словно сердце услышало песню далекой родины.

Ему хотелось плакать и хотелось смеяться, и он упал на землю, обнимая Женщину. А она ласкала его густые кудри и, улыбаясь, глядела в даль.

5.

Человек построил хижину. Бил зверя в лесу, ковал у горна, работал в поле. Когда он приносил добычу, она смеялась и говорила:

— Какой ты храбрый. Я люблю героев.

И он смеялся радостно, обнимая колени Женщины.

Раз пришел он домой весь залитый кровью. На всем его теле зияли когти. Но он был весел: он держал в руках своих шкуру и голову тигра.

Она испугалась и заплакала. Потом перевязала раны и бурно целовала Человека.

А он, счастливый, ее сжимал в своих об‘ятиях и мощным голосом ей пел о гордых подвигах и опасностях одинокой битвы в таинственной сени широкого леса. Он пел о любви своей, непобедимой, как смерть, но глубокой и темной, как тихая ночь.

Она слушала песнь, замирая таинственно, и прижималась к нему так любовно и шептала:

— Ты господин мой. Ты—Бог. Не оставь меня.

6.

Однажды Человек, гонясь за серной, попал в чудесный край, где солнце ярко и цветы душисты, а в небе реют сказочные птицы. И Человек, забыв охоту, стал глядеть безмолвный.

Только солнце. Только радость. О, святая тишина.

Он сел на камень.

Из чащи вышел лев с осанкой важной и рядом с ним ягненок малый, и оба распростертые легли у ног холодных Человека. А он не слышал.

Орел могучий, паря под небом, безшумно крылья свел и пал к ногам его. А он не видел.

Он не видел и не слышал, как над ним кружились и беззвучно пели сказочные птицы: «Только солнце. Только радость».

Вдруг из-под камня выползла змея и в сердце раз кольнула черным жалом. Он вскочил.

И вот увидел он волшебный сад, одетый зеленью и бархатною тайной.

И в том саду увидел он два дерева, обнявшихся ветвями, словно два в лесу столкнувшихся оленя.

И были разными деревья.

Одно казалось необ'ятным: так белый ствол его был дивен шириной обхвата, а красные,

как кровь, плоды его в изумрудной чаще листьев влекли и дразнили, как губы женщины, какой-то жадной смесью горечи и боли и томления.

Другое было меньше и невзрачней.

Оно напоминало иву на берегу сонливом в глубокий тихий полдень лета.

Серыми от пыли были листья, и плоды подобны пеплу.

И все же было дерево родным, манящим, как милая тень уходящего.

Человек в раздумьи стал меж ними.

Вначале протянул он руку к дереву с плодами красными, как кровь, и желанными, как уста женщины. Но едва коснулся, он услышал в изумрудных листьях змеиный шорох: «К чему?. скажи, к чему». Он руку опустил устало и сам себе сказал: «По истине: к чему?».

Он подошел к другому, одинокому и бедному, как ива, но серому и пыльному, как ненужная правда. Но тут услышал тихий шопот, змеиный шопот: «Зачем?. Скажи, зачем». Он отошел и сам себе сказал невольно: «По истине: зачем?».

В тени холодной он стал один в раздумьи.

И вдруг, как волны от внезапной бури, ворвались толпы теней в волшебный сад.

Вначале—старцы в мантиях широких. Свитки древние несли они в руках и факелы, мерцавшие неверно от порывов ветра. В чахлом свете факелов дымящих, спотыкаясь, как слепые и толкаясь на распутьях, шли и шли они со свитками холодными в руках.

— Куда идете вы?—им крикнул Человек. И сердце в нем забилось.

— Куда идем мы.......

. . . .

За ними хлынули другие,—толпа широкоплечих и низкорослых. Сутулые спины, сухие лица. Таблицу каменных скрижалей несли они, как знамя Земле и проклятие Небу.

Он сделал шаг к скрижалям, полный любопытства, но увы: слова их были стерты временем и смыты кровью. Он с отвращением отошел.

Но вслед за ними ворвались юноши горящею толпой, увенчанные лаврами, с кистями винограда. В руках их были лютни. Плащи их развевались ветром. А глаза все были пьяны от надежды. Но над ними, в тающей, как облако, воздушно-белой колеснице он увидел жуткий облик: он увидел голову Медузы.

И все исчезло.

Он услышал смех.

На траве сидела Женщина, обнявшись со змеей. В змеиной пасти гнил пыльный плод, серый и скучный, как ненужная правда.

И Женщина, обнявшись со змеей, вкушала плод, отравленной змеею.

ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНЬЕ.

День сказал однажды Ночи:
«Ночь, люблю я твои очи.
Темной негою загадки
Ум томит твой шепот сладкий».

Ночь, волнуя покрывало,
Дню влюбленному сказала:
«Я люблю твой гений ясный,
Я люблю твой голос властный».

— Если любишь, будь со мною.
Будь, о, Ночь, моей женою.
Ночь в ответ ему три слова:
«Догони-ка, я—готова».

И за Ночью шаловливой
День бежит в тоске ревнивой.
То настигнет, то отстанет:
Ночь, чаруя, в вечность манит.

Тщетно Ночи День, стеная,
Шепчет: «Подожди, родная».
Вздохи смехом Ночь встречает:
«Догони-ка», отвечает.

Бутырки.

ЧАРОДЕЙ.

В упоеньи борьбы
Выше воли судьбы
На безтрепетных крыльях парю я,
Из увядшей весны,
Убежавшей волны
Сны извечные счастья творю я.

В лунный шопот мечты,
В яркий сон красоты
Одевая тоску и заботы,
Из обманчивых снов
И обманутых слов
Тку волшебно ковры-самолеты.

Я как солнце могуч,
И как солнечный луч
Я творю и гублю без боязни.
Сердца лишь моего
Не спасло волшебство
От загадочных глаз твоих казни.

Под завесой веков,
Тяжкой тканью богов,
Мир безоблачный милой открою,
Из чарующих грез
И сияющих слез
В нем хрустальную башню построю.

Злых мгновений поток
В голубой ручеек
Зачарую пред башней твоею.
Перлы сказок земли,—
Жемчуг звездной пыли.
Я над берегом тихим рассею.

В майский день молодой
Из зари золотой
Я сотку тебе мантию грезы
И рассыплю по ней
Из алмазных камней
Белых ангелов чистые слезы.

Одного не пойму,
Отчего, почему
В сердце кто-то как раненый стонет?...
Он к дорожной пыли
Клонит крылья мои
И к земле мою голову клонит...

СОНЕТ.

Люблю ли я дождя напев осенний,
Седых зеркал наивную печаль,
В усталой мгле безшумный бархат теней, —
Принцессы Грез забытую вуаль?

Люблю ли я степей родную даль
В глухую ночь бездомных угрызений,
В пыли дорог затоптанный мой гений,—
Как на ковре забытая вуаль?

Люблю ли я?.. Есть дом над синей Роной.
Там ты жила. И шелест монотонный
Реки чужой на дне души ловлю.

Реки чужой волшебно-монотонной
Я не забыл на дне ночи бездонной...
Люблю-ли я?.. О, да: тебя люблю.

Бутырки.

КИТТИ.

Когда в глаза твои гляжу,
Мне мнится, я во сне брожу
В волшебно-дальней стороне.
И хорошо, и тихо мне.

Когда гляжу в глаза твои
Все сны кошмарные мои,
Как тучи, тают в белом дне.
И хорошо, и тихо мне.

Когда гляжу в твои глаза,
И в них дрожит алмаз-слеза,
Я плачу в чистом, белом сне.
И хорошо, и больно мне.

Иркутск.

В ЧАС НАШЕЙ ВСТРЕЧИ.

Романс.

В час нашей радостной встречи
Была в белом платьице ты.
Дивно сплеталися речи,
Сладко дышали цветы.

Годы текли быстротечно,—
В бездонную вечность текли.
Круг завершили безпечно
Бледные Духи Земли.

В час нашей памятной встречи
Опять в белом платьице ты.
Вянут ненужные речи,
Вянут устало цветы.

Бутырки.

СОНЕТ.

Юзефа.

Моя душа—зеленошумный сад.
В тени плывут свободные аллеи.
Дышат цветы, кокетливо алея.
В деревьях нимфы голые шуршат.

И ветер в полдень золотистый рад
В траве уснуть, черемуху лелея.
Но темный зверь ворвался в шумный сад
И затоптал высокие аллеи.

Беседки нет. Истерзаны теплицы.
Плоды как трупы казненных висят,
Бежали в лес испуганные птицы.

Садовый ключ отчаяньем струится,
И сумерки седые—впереди...
Тебе не страшно? О мой друг, войди.

* * *

Вы вновь со мной, забытые виденья...
Со дна души ко мне вползает вновь
Тоска—змея, закутанная тенью,
Манит опять неверная любовь.

Я сдал ножу бездушного разсудка
Мечты, любовь, мой светлый идеал,—
И скучен мир, как понятая шутка,
Как маскарад в мещанский карнавал.

Мечты мой ум уж больше не обманут.
Лукавым грезам сердца не отдам.
Пусть дни, как листья в темноте, завянут,—
Я буду плыть к пустынным берегам.

Бутырки.

Романс.

Не говори: Уйдет гроза,
Над бором солнце возсияет,
Укора горькая слеза
В лучах росинкою растает.

Не говори: Зима пройдет,
В аллеи мертвые вернется
Любви весенний хоровод,—
Душа под снегом встрепенется.

Хотел бы я (о, если-б мог)
Отдаться благостной надежде,—
Мне шепчет сердца вещий вздох:
Не знать нам счастия, как прежде.

Во мгле ночей и в блеске дня
Читал судьбы я серый свиток:
В жемчужной чаше бытия
Изсяк поительный напиток.

Рояль замолк. Пусть в вышине
Дрожат последние аккорды,—
Они умрут в злой тишине,
Не воскресит их гений гордый.

Манзурка.

* * *

Мой гордый стих, поймешь-ли ты?
В моей тоске и достиженье
Свои узнаешь ли черты
Как в море неба отраженье?

Из царства бледного теней
Тебе ль он вызовет без боли
Волшебный облик прежних дней,
Что не вернутся боле?

Люби. Будь счастлива. Так надо.
Я не кляну святой удел.
Не помня зла, за миг отрады
Тебя в безсмертье я одел.

В гробнице белой дней святых
Не плачь над нашей бедной урной:
Не помня слез, за сон лазурный
Тебя венчает гордый стих.

У ОКНА.

В саване бархатном степь—будто кладбище.
Кружится снег будто ведьмы на свадьбище.
Далеко... Далеко...

Духи зловещие носятся тучею,
Витязи мертвые—Горы могучие.
Высоко... Высоко...

В бледном сиянии мертвого месяца
Что-то мне грезится, кто-то мерещится
Далеко... Далеко...

Женщину вижу я... Море угрюмое
Сердце как факел мне держит, Безумная.
Высоко... Высоко...

Мертвые витязи... мертвое полюшко...
Где-же ты, счастие? Близко-ли волюшка?
Далеко... Далеко...

III.

МЕЛАНХОЛИЯ.

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ.

Я звал на пир вакханку молодую
С венком из роз для смуглого чела.
Моя душа, в безумье торжествуя,
В вечерний час любовницу звала.

И верил я, что зорю золотую,
Что солнце мне язычница несла.
А Бог послал мне Странницу святую,
И Ты, как сон вошла.

И пала тень с твоей тяжелой шали.
Как толпы птиц от коршуна бежали
Лазурных дней манящие мечты.

Где те мечты, что вечный рай сулили?
Ни красных роз, ни белых лилий,—
И Бога нет. Лишь ночь и Ты.

* * *

Оттого ли я печален
(О скажи мне, месяц ясный),
Что брожу среди развалин,
    В тишине безгласной?

Оттого ли я печален
(О скажи мне, путник бледный),
Что в тиши святых развалин—
    Черни крик победный?

Оттого ли я печален
(О скажи мне, призрак чуткий)
Что в толпе немых развалин
    Стал я тенью жуткой?

Бутырки.

НОЧЬ.

Обняв решетку из окна
Гляжу я в ночь без цели.
Уснула бледная луна,
Уснули ели.

А в Мертвый Замок тишина
Вошла как тень, вздыхая.
Мне в душу ластится она,
Крылом махая.

Уж много лет в могильном сне
Ползу, как червь, в темнице,
А рана старая на дне,
Как червь, гноится.

На пир борьбы, на юный пир
Судьба давно не манит.
Былого склеп, широкий мир
Мой трупом занят.

Как бледный крик в неверный миг
Бежит к пустыне снежной,
Я сердцем бьющимся приник
К тоске безбрежной.

Одна мечта—забыть, забыть.
Чтоб утонуть в забвеньи
И как трава безвольно жить
В тени мгновений.

Обняв решетку, из окна
Гляжу во мрак безцельно.
Не слышит мертвая луна
Мой крик смертельный.

ПОЛДЕНЬ.

Дремлет в лазури весенней
Полдень в заоблачном сне.
В бархат одетые тени
Мягко идут в тишине.

Воздух томительно-сонный
Грезы узорные льет.
Детка лазури взлюбленной,
Ласточка гнездышко вьет.

Что же как серая птица
Бьется под сердцем тоска.
К вам ли на волю томится,
Сестры души, облака?

Бутырки.

ДАВНЫМ ДАВНО.

Давным давно
Гляжу в окно
    Неволи.
Неволи стыд
Ум не мутит
    Мне боле.
В больном аду,
Один бреду
    Во мгле я,
В бреду, во сне
Сон о весне
    Лелея.
Мир вечных снов,
Мир вещих слов
    Мне снится.
А серый день
Бредет как тень
    В темницу.
Мне власть дана
Испить до дна
    Унынье.
А сны изжив,
Сном буду-ль жив
    Я ныне?
В чаду больном
Чар лунных сном
    Ум нежить...
Давным давно
Мне все равно
    Жить —не жить...

СУМЕРКИ.

Блуждает мрак. Чуть дремлющий рояль.
Ковры шуршат. Портьера шевелится.
Из мертвых рам глядят пустынно лица.

Вот тень вошла и села за рояль.
Темнеет, тая, сизая вуаль.
Чего-то жаль? и хочется молиться.

Чего мне жаль? Позор родной земли
Не шевелит давно изжитой боли.
Не жаль любви, не жаль и слез неволи...

Мне грезится: забытая в пыли,
Во мгле орлом защибленная птица.
Чего мне жаль? Кому могу молиться?

МЕСЯЦ БЛЕДНЫЙ.

Месяц бледный, месяц милый,
Двое в мире нас сейчас:
Чем сердца обоих жили,
В обоих угасло нас.

Месяц бледный, месяц милый,
Сон-ли мир иль волшебство?
Умирает, все, что жило,
Живо то лишь, что мертво.

НЕ ВЕРЮ.

Я сказал ей: когда-то была
Мать земля убрана как невеста
И как мать своим детям дала
Всем под солнцем священное место,
Начертавши Свободу над дверью:
Мне ответила Скорбь: «я не верю».

Я сказал ей: «Затерянный рай
Все когда-то в пустыне найдем мы.
В сонной жизни безветрянный край
Все, как дети, со смехом войдем мы,
Начертавши Блаженство над дверью:
Мне ответила Скорбь: «Я не верю».

Я сказал: есть прощающий Бог.
Он живет в синеве безотрадной.
Ангел белый, с лозой виноградной
Вводит тени в сыновний чертог,
Где начертана Вечность над дверью.
Мне ответила Скорбь: «Я не верю».

* * *

Я проснулась одна упоительно рано,
Ветер тихий дрожал в томных грезах листка.
Лес дремал, но порою шептался так странно.
Плыли Бог весть куда и зачем облака.

Сонной дремы с ресниц не согнав, небеса
Улыбались стыдливой улыбке Востока,
И алмазным дождем рассыпалась роса
Из под мантии синей, открытой широко.

Кто-то мир мой одел тонкой лунной загадкой
На безшумных крылах песнь плыла в тишине.
Ангел белый ласкал грудь больную украдкой.
Стало жутко, легко и так радостно мне.

Всей пустыни миров тихий стон еле внятный
И бездонная грусть одинокой Земли,
Звучный говор ручья, тайный шопот дали,—
Все мне стало на веки безумно-понятно:

Бутырки.

* * *

Мне странно. Не пойму причины.
(Меня-ль какой то бес несет)?
С людьми, везде ношу личины,
И одиночество сосет.

А выйду в поле: злое бремя
Падет с разбуженной души,
И как дитя, наивно нем я
В блаженном шопоте тиши.

Мне звездочки из тихой дали
Мигают: «Где ты был? Мы ждали».
И даже гордые вершины,

Обет молчания храня,
Глядят интимно на меня.
Мне странно,—не пойму причины.

Я НЕ ПРОРОК.

Сонет.

Я не пророк, ты знаешь-ли, родная.
Не мне огнем бичующая речь.
Душа, неверием больная,
Не рождена людскую злобу сечь.

Я не герой, ты знаешь ли, родная.
К чему-ж огнем сверкающий твой меч?
Мне-ль подвигом людскую лень зажечь.
Испил свой яд до дна я.

Я—сын Земли и Мать люблю седую
Как юный грех, как боль святую...
Мне был ответ:

«Любя, дарю я словом и мечом,
Чтоб был себе судьей и палачем
П о э т».

* * *

В родном лесу увитый гордой мглою
Я вольно жил как молодой орел.
Мне грудь пронзил отравленной стрелою
Охотник злой, что в тихий лес забрел:
Жестокий Бог пронзил мне грудь стрелою...

И кровь течет с тех пор из темной раны.
Бредут года, как призраки во сне,
А ворон злой, хрипя на пир незванный,
Над головой кружится в тишине:
Мой Бог созвал ворон на пир незванный...

Но чей же плач несет мне тишь глухая.
Кто здесь склонился робко надо мной
И крыльями широкими махая,
Во мгле как мать мне шепчет: «мой родной».
Не ты-ли Бог, стальным крылом махая.

ДЕТОЧКА.

Сонет.

Ангел мой тихий, на землю тревожную
Из равнодушных небес
В урне волшебной ты искорку Божию
Мне занесла. Я воскрес.

С мертвым наследием мертвого счастия
В ночь я бродил по горам.
Факел мой гас от дыханья ненастия.
Боги забыли мой храм.

Душу мне раня (безжалостно терние),
Сфинксы теснили мой круг.
Лунными чарами гномы вечерние
Мне навевали недуг.

В битве неверной со мглою всесильною
Не изменило одно:
Сердце горящее... С сенью могильною
Билось, чуть тлея, оно.

Будто над бездной иссохшая веточка,
Молча молясь небесам,
Чуда я ждал. И свершилося, деточка:
Чуду не верю я сам.

Милая, милая. В ночь мою трудную,
Из равнодушных небес
Ты принесла мне лунь изумрудную,
Выжгла недуг. Я воскрес.

ЗАВЕЩАНИЕ.

Сонет.

Будь одинок, как горные вершины.
Ум ледяной ты в панцырь облачи.
Услыша стон кровавый из долины,
    Не плачь, не сетуй, но молчи.

Пускай гремят мятежные мечи,—
Ты не буди своей мечты невинной.
Будь облаком над белою вершиной:
    Пари безцельно и молчи.

Чего желать? Рокочет крик орлиный,
В даль тучки белые бегут толпой,
    И старый ключ беседует с Судьбой.

Чего желать? О, горные вершины.
Идти вперед холодною тропой
    И не грустить над бездною слепой.

IV.

СМЕРТЬ.

ВСТРЕЧА.

Сонет.

Бродил в лесу я раннею весной.
В зеленый шум весна лес одевала.
Лазурь шатром синела надо мной.
О юных днях шалунья куковала.

Вдруг силуэт Монахини усталой
Увидел я среди глуши лесной,
И далью мне повеяло родной
Монахини стыдливой покрывало.

В тот миг угас, я помню, белый день.
И молвил я Монахине, стоная:
«Ко мне-ли ты? Ко мне-ли ты, родная?»

Она ко мне приблизилась, как тень,
С лица на миг откинув покрывало.
И Смерть меня в уста поцеловала.

ВЕЧЕРНЯЯ БАЛЛАДА.

Вечер. Гаснет день осенний.
Молча, молча ползут тени
В зачарованную сень.
Мир широко озирая,
То дрожа, то замирая,
Одиноко догорая,
Умирает бледный день.

Я один. Гляжу в оконце.
Далеко за лесом солнце
Утопает в синей мгле.
Под фатой вечерней дремы
Ветру шепчет сад знакомый,
Перед властною истомой
Клонит голову к земле.

«Что-то жутко неземное
Реет в ароматном зное
(Я тихонько зашептал)
Верно, ангел белокрылый,
Вечной жизни вестник милый,
Над землею опостылой
В час вечерний пролетал».

«Лишь одно мне, право, странно:
Стало так темно нежданно,—
Так безмолвно и темно.
Слышу: в бездну сокровенья,
Словно порванные звенья,
Распадаются мгновенья.
Это странно мне одно.

Чу! Какой то плач безмерный.
Это умер кто-то, верно,
Там, в провале темноты.
Это умер, видно,—кто-то
(Сердцу я шептал с заботой).
Слышу: под ночной дремотой
Голос молвит: «умер... ты».

Здесь я понял: смерть не шутка.
Стало сердцу как то жутко
В этой мутной тишине.
«Что-то, Боже, будет ныне»,
Зашептал я в злом унынье.
«Будет. Будет» по пустыне
Завторило глухо мне.

«Верно эхо», я заметил.
Но никто мне не ответил.
Снова нежно, как во сне:
«Будет... будет» зашептали,
Чьи-то крылья задрожали,
Легкой зыбью пробежали,—
Утонули в вышине.

Вновь иду. Стоит дубрава.
Кипарисы величаво
Озирают темный бор.
И не знаю, что со мною:
Вдруг горячею волною
В сердце хлынуло былое,
Затуманило мой взор.

Будто волны в синем море
Зашумело в темном боре.
В буре внемлю чей-то зов:
«Человек, гони свой холод,
Человек, бери свой молот.
Мир твой молод, мир твой молод.
Будь же молод и суров».

Я подумал: час неровен.
Видно, бор мой зачарован
Чьей-то силой неземной.
Оттого былых видений
Болью дышат эти тени,
Оттого блуждают тени,
Странно шепчутся со мной.

Звон серебряного смеха
Звучно—звучно спугнул эхо
В этот тихий миг как раз.
«Вот нежданно. Вот нежданно.
(Шепчу) за лесной поляной
Девиц хоровод незваный
В этот странно-странный час».

Я иду к лесной опушке.
Вижу: у курной избушки
Пляшет хоровод лесной.
Крики, визги, шум веселый.
Будят лес и будят долы
Облепив меня как пчелы
Все хохочут надо мной.

Но из дев одна подходит.
В хоровод, обняв, заводит.
(Шепчут, шепчутся кусты).
«Я—блудница Питифара.
Видишь: сад, овитый чарой
И в саду под липой старой—
Бог и Ты».

Озираюсь. Что за тайна?
Я-ль игра судьбы случайной?
Чары-ль, злое волшебство?
В вопле боли неподдельной
Все исчезло нераздельно.
Я один. Устал смертельно.
Сумрак. Больше ничего.

Вздрогнул. В голубом оконце
Далеко за слеом солнце
Утонуло в синей мгле.
А цветы в тени знакомой
С зачарованной истомой,
Тайной вечера несомой,
Льнут испуганно к земле.

Ночь, раздвинув покрывало,
Из за леса молча встала,
Стала молча у окна:
«Я пришла, дитя больное,
Рассказать тебе: с тобою
Будет нас отныне двое...
День ушел, а я верна».

СМЕРТЬ.

А. П. Кузмину.

Стансы.

Окутанный грезой ночной полусна
Стою на вершине я голой,
И дышит устало во тьме тишина
Под мантией черной тяжелой.
    Все тихо. В толпе одиноких вершин,
    Томимый загадкою темной
    Испуганно мечется ветер один,—
    Безыменный странник, бездомный.
И горный ручей там на каменном дне,
В холодном и жестком ущелье
Лепечет о милой далекой волне
И пляшет в наивном веселье.
    Угрюмо шатаясь, задумался лес
    Под лепет ручья непонятный,
    Глядит на холодную маску небес
    И ропщет во тьме необ'ятной.
А месяц, раздвинув тяжелый покров,
Над бездной уныло всплывает,
И, взором немым, леденя мою кровь,
Холодная бездна зевает.
    Окутанный грезой ночной полусна
    Стою на вершине, мечтая,
    И трепетно жмется ко мне тишина,
    Ласкаяи тихо рыдая.

. . . .

Вдруг слышу я девичью песню в тиши:
Струятся знакомые звуки,
И тени толпою встают из души,
И с ними—забытые муки.
Вот замок во тьме одиноко стоит,
Закутанный в синие тучи,
И будто загадкою темной обвит
Нахмуренный замок дремучий.
Мой ум зачарован. Волнуется грудь.
В безумных извивах мгновений,
Сверкнул мне всей жизни изломанный путь
Над пропастью горьких забвений.
Вот что-то вспорхнуло над тишью ночной
Упало со вздохом печали.
И шепчут неслышно во тьме надо мной:
«Мы ждали.. мы ждали.. мы ждали...»
И мнится мне, будто на мраморе плит
Дрожат мои белые грезы,
А в горный хрусталь, что во мраке блестит,
Застыли бессмертные слезы.
И воле послушный невидимых сил,
Вхожу я: здесь все мне родное,—
Художник таинственный все воплотил,
Чем грезило сердце больное.
Все-тихо, и дремлет беспечно мой слух.
Чу! Крылья во тьме задрожали.—
Невидимо движутся, шепчут вокруг:
«Мы ждали.. мы ждали.. мы ждали..»

. . . .

Но вверх я иду по ступеням крутым,
Темнеют тяжелые своды,
И холодом дышат могильно-пустым
Как жизни нерадостной годы.

5

И слышу я: девичий голос поет,
Но будто бы роком гонимый
Загадочно молот без устали бьет,
Как приговор, неумолимый.
Сжимает мне сердце таинственный страх,
Я дверь открываю не смело:
Мужчина весь в черном, одет, как монах,
А женщина в мантии белой.
В глазах его ровный, холодный покой.
Она же, как нимфа воздушна.
И гроб он колотит тяжелой рукой,
Шьет саван она равнодушно.
Я в комнату робко на миг заглянул.—
И замерла песня устало.
И молот бесшумно на землю скользнул.
А дева с улыбкою встала:
«Я знала: придешь ко мне. Милый мой ты.
Я годы безропотно шила.
Но знаешь ли: снов твоей белой мечты
Едва лишь на саван хватило».
. . . .
Здесь тень шевельнулась на бледной
стене,
Тревожно метнулося эхо,
И замер весь замок в глухой тишине
От злобно-холодного смеха.
В зияющей мгле Кто-то темный сверкнул
Огромный—холодный—манящий.....
Я крикнул безумно и грудью прильнул
К земле одинокой, дрожащей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Кому эти свечи
Во мгле говорят?
И душные речи,
Как ладан, горят?
Зачем эти свечи
Уныло горят?

И колокол дальний
О чем он гремит?
Как ветер печальный
Он душу томит.
Он вечер хрустальный
Напрасно томит.

И кто это ноет
Во тьме надо мной?
Не вьюга ли воет
Над тишью ночной?
Не ветер ли воет
Над ночью больной?

Давно ли, давно ли
Я в мире блуждал,
От ранящей боли,
Как ветер, рыдал?
Давно-ли, давно-ли
Как ветер блуждал?

А ныне я дома,
В безоблачном сне,
И тает истома
В святой тишине,
И нежит истома
В безоблачном сне.

Я знаю, я знаю,
Войдя в Белый Дом,
Что радость земная
Была белым сном,
Что боль моя злая
Была только сном.

И так хорошо мне
Тихонько дремать
В вечернем затоне
Безмолвью внимать
Как рыбка в затоне
Без боли дремать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.

КОЛОКОЛ . . .

Стр.

II.

ЛЮБОВЬ . . .

III.

МЕЛАНХОЛИЯ . . .

IV

СМЕРТЬ . . .

M
3

№ 14